

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ • О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ • О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Евгений ЕВТУШЕНКО:

«ГОТОВ ВМЕСТЕ
ЗА РУССКУЮ»

Нынешним летом Евгений ЕВТУШЕНКО вновь приехал в Россию из США, где занимается преподавательской деятельностью. И, как всегда, в свой день рождения провел вечер поэзии в знаменитой аудитории Политехнического.

— Евгений Александрович, неужели вы серьезно отнеслись к своему договору с Политехническим на свои поэтические вечера до 2019 года?

— Напомню «КО» предысторию вопроса: 6 лет назад я заключил с Политехническим музеем договор на четверть века вперед, согласно которому обязался безгонорарно выступать в Политехническом в день своего рождения (18 июля) на условиях: матч состоится в любую погоду! Как честный человек я всегда выполняю все подписанные контракты. Так что дуба давать, во всяком случае до 2019 года, просто не имею права.

— Межиров писал о том, что «до тридцати поэтом быть почетно, и срам крошечный после тридцати...» Существует ли возраст, до которого можно сочинять стихи и не выглядеть чудачком в глазах и своего, и нового поколения?

— Поэты всегда в какой-то мере выглядят чудачками. Если бы этих чудачков не было, на чем бы держался свет? Не было бы написано столько прекрасных произведений. В людях бы исчезло романтическое величие чудачества. Скучно бы стало жить на свете...

— Героизм тоже в какой-то степени чудачество.

— Да, иногда человек играет, как ребенок, — но при этом играет собственной жизнью. Например, играет, как с огнем, с властью. Таким был Осип Эмилевич Мандельштам — один из культурнейших людей своего времени (хотя Эмма Герштейн с каким-то непонятным для меня пристрастием все время ловит его на каких-то некультурностях). Может быть, именно детское, чудаческое отношение к действительности, несостыкованность и несочетание с этой действительностью и дало Мандельштаму смелость, в сущности, первым написать стихи против Сталина, когда палач только набирал силу.

— Другой чудак — Николай Клюев — написал стихи против Ленина...

— Это тоже был своего рода чудак, который ходил в косоворотке, сафьяновых сапожках, как из ресторанного хора. При этом он знал французский язык, читал бодлеровские «Цветы зла» в подлиннике. И придуривался простым мужичком. Клюев был мужиком, но мужиком далеко не простым, вобравшим в себя европейскую культуру. Словом, чудачество есть явление, которое часто граничит с нравственным упорством, вырастающим порой до подвига.

— А в искусстве всегда есть место подвигу?

— Чем выше искусство, тем выше этот подвиг. Когда я показал своим американским студентам «Чучело» Ролана Быкова, моих провинциальных американцев глубоко потрясла роль, сыгранная Юрием Никулиным. Он играет чудака, который спасает духовные ценности своего маленького городка. Он кажется всем вроде бы странным, нелюдимым, его дразнят... Но именно такими людьми, когда они умирают, гордятся и городок, и все человечество.

— Когда-то Циолковский (роль ко-

торого вы сыграли в фильме «Взлет») сокрушался о том, сколько времени человек тратит на сон: по его подсчетам, человек живет в среднем 73 года, из них 21 год отдаст сну...

— Что касается меня, то я поставил себе такую отметку: до 2019 года я не имею морального права умирать. До этого года у меня полно всяких планов. Лишь бы Бог дал здоровья. Я сейчас пишу, как сумасшедший, и похож на шахматиста, играющего сразу на многих досках: повести, стихи, даю интервью, выступаю... Ждут воплощения мои сценарии о Дон Кихоте и мушкетерах. Как только появятся деньги на постановку, оставлю преподавательскую работу в Америке и займусь работой над фильмами. Хотя очень люблю своих студентов, и, надеюсь, они меня тоже.

— Судя по вашим оптимистическим речам, о добровольном уходе из жизни не может быть и речи?

— Сейчас в Америке судят одного врача. Он помогал безнадежно больным людям уходить из жизни. Это, конечно, вопрос сложный: нельзя позволять врачам безо всякого контроля за ними брать на себя право удалять людей из жизни. Возможны злоупотребления. Наверняка такие злоупотребления есть. Мы знаем случаи, когда врачи притворялись лучшими друзьями своих пациентов и делали так, что больные оставляли завещания на их имя и уходили из жизни...

Тем не менее я считаю, что человек должен сам понять, когда он стар и у него уже нет сил на жизнь. Человек имеет право на собственный уход из жизни. Это не самоубийство, искусственно пресекающее жизнь. Я считаю самоубийство грехом, потому что у человека в большинстве случаев есть выход, может быть, за исключением редчайших ситуаций. Если человек считает свое дальнейшее существование бессмысленным и в этом не ошибается, он может уйти из жизни. Но ведь человек может и ошибаться! Когда я говорю, что человек должен жить долго, я отнюдь не имею в виду растительное существование. Я не буду считать свою жизнь потерянной, если, скажем, не смогу писать.

Но если я не смогу читать и не смогу воспринимать окружающую действительность, вот тогда...

Думаю, мне еще придется увидеть много интересного, потому что через двенадцать лет Россия выпрямится и выправится.

Она начнет делать шаги, они станут весомее, сама страна станет здоровее и избавится от многого, не нужного ей.

— Может быть, увидите и воссоединение Союза писателей?

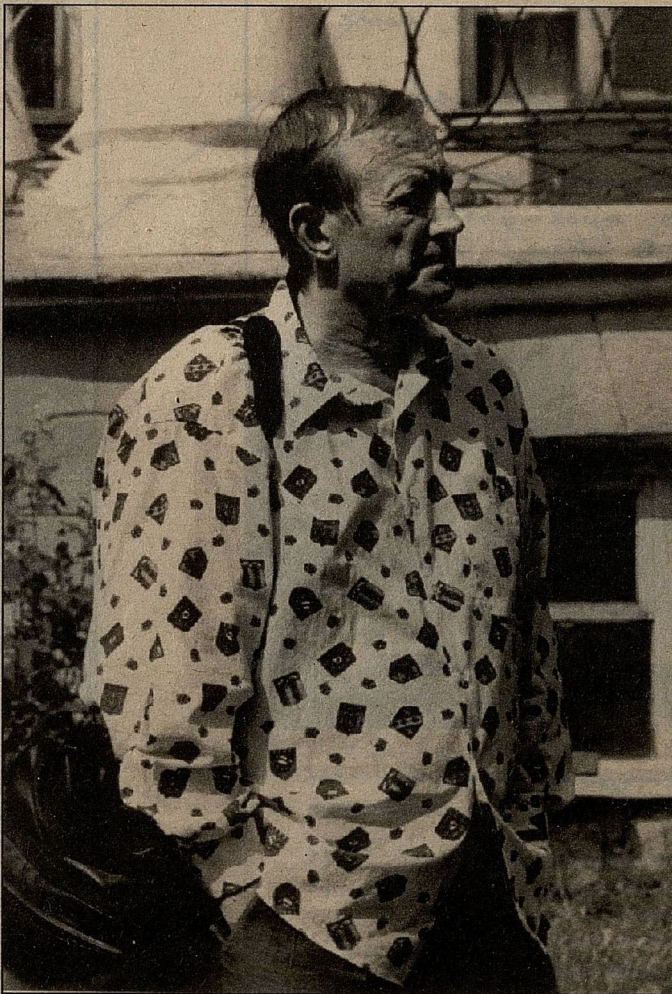
— Я сам участвовал в расколе Союза писателей и играл активную роль в изгнании из дома Ростовых на улице Воровского тех людей, которые откровенно или неот-

кровенно поддерживали путч. Этот путч мог привести нас к новому Гулагу. Я в этом абсолютно уверен. Не зря было сказано 250 тысяч наручников, о чем я писал в своем романе. Это факт, подтвержденный историей. Россия могла быть ввергнута в гражданскую войну. Мы бы стали стрелять друг в друга. К счастью, этого не произошло. Поэтому я не жалею, что оказался на баррикадах 91-го года. Я не жалею, что мы осудили поведение С. Михалкова и других писателей, которые принимали путчистов и всячески их поддерживали, особенно — кагэбэшников, которые роились в Союзе писателей и фактически управляли нашими писательскими бюрократиями...

Когда Союз писателей раскололся на несколько организаций, помню, как я и мои товарищи, которые считали себя демократическими писателями, облегченно вздохнули: мол, теперь не будем встречаться с этими людьми, пусть они живут своей жизнью, а мы будем жить своей. И вот тут-то мы совершили ошибку. И они тоже совершили ошибку. Осуждая руководителей Союза писателей, мы не должны были допускать его раскола и дележки его собственности. Мы должны были сохранить Союз писателей не на идеологической, а на профессиональной основе.

— Но ведь раздел происходил не по чьему-то хотению...

— Все ярлыки, которыми наделяют членов того или другого Союза, примитивны. Какой я, в конце концов, западник? Человек, который написал «Казнь Степана Разина», «Станция «Зима», «Бежит река, в тумане тает...», ставшую народной песней... В то же время я очень люблю западную культуру, не меньше, чем русскую классику. Пример всем нам подал Александр Сергеевич Пушкин, который одновременно был и западником, и славянофилом. Вот лучшая модель человека XXI века! Этому и надо следовать!

— Не много ли писатели занимаются политикой?

— Много, слишком много. Мне кажется, что мы все стали писать несколько хуже, потому что нет столкновений мнений. Вместо этого мы обсуждаем какие-то декларации, решаем: подписывать или не подписывать то или иное письмо, поддерживать или не поддерживать правительство или акцию Ельцина... Возьмем, к примеру, Проханова. Вроде бы мы с ним враги. Я его довольно-таки карикатурно изобразил в романе «Не умирай прежде смерти». Он тоже обо мне писал какие-то памфлеты... Но, в сущности, он же талантливый писатель! Яростный, непримиримый, немножко сумасшедший. Я тоже в каком-то смысле чуть сумасшедший. «Последний солдат империи» Проханова мне идеологически не нравится, но там есть прекрасные, страстные куски.

Кстати, Проханов — один из немногих писателей, у кого есть настоящая страсть. Он обуян какими-то идеями, настроениями, страстями. Сейчас это редкость. Сейчас почему-то пошел писатель с температурой тридцать шесть и шесть. Скажем, я во многом был не согласен с Солоухиным. Мы хорошо проезжались на счет друг друга. В своей антологии «Строки века» я написал о нем отнюдь не жалостную статью. Но Солоухин нашел в себе мужество и высоко оценил эту книгу, дав мне очень правильные советы. Я буду перерабатывать эту антологию для переиздания и по совету Солоухина включу в нее целый ряд новых стихов и новых поэтов.

— Когда-то вас связывали и дружеские отношения с Валентином Распутиным...

— У меня есть книга с его автографом: «Дорогому Евгению Александровичу Евтушенко с благодарностью за Евгения Александровича Евтушенко и за все, что он сделал для словесности российской, для меня и Саши Вампилова». Это драгоценная для меня надпись. Я Распутин очень люблю и перечитываю. Прекрасный писатель. Иногда он употребляет мою фамилию с маленькой буквы: «Эти евтушенки...» Иногда я, может быть, в пылу что-нибудь о нем сказал... Хотя как писателя я его никогда не трогал. Жалко, что мы не встречаемся. Ведь тот же Распутин защитил мой роман «Ягодные места», когда цензура была против. Я этого никогда не забуду. Он написал к нему предисловие и прикрыл своим именем, будучи лауреатом Государственной премии. Кстати, в связи с этим же романом: когда цензура не пропускала из него главу, связанную с раскулачиванием, так называемый умеренный либерал Сергей Наровчатов заявил: «Пока Советская власть существует, это не будет напечатано!» А так называемый реакционер Михаил Алексеев опубликовал эту главу у себя в журнале «Москва»! Я, кстати, сохранил с ним дружеские отношения...

А взять Ивана Стаднюка! Его сталинизм происходил от сержантского энтузиазма. Он был хороший человек и сильно помог мне с фильмом «Детский сад», когда его запретили. Этот сталинист помог мне, антисталинисту, в очень трудный момент моей жизни.

— Иными словами, критерием дружбы и человеческих отношений для вас является что-то, что выше идеологических принципов?

— Мы все перестали общаться. А мне интересно, что думает, скажем, писатель Валентин Распутин о писателе Викторе Пелевине. Почему нельзя провести обсуждение новой повести Пелевина, одного из самых любопытных писателей на-

2.8.99

Евгений Евтушенко

91, 92

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ ● О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ ● О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

С ПРОХАНОВЫМ БОРОТЬСЯ ЛИТЕРАТУРУ!»

шего времени — с участием Распутина, Астафьева, Крупина?.. Хотя меня в ней что-то и раздражает, но я никогда не перестаю читать Пелевина с интересом. И почему Пелевину и тем же постмодернистам не принять участие в обсуждении другого литературного направления?

— Когда-то Союз писателей был единым и разным: от Пастернака до Суркова!

— Это иногда доходило до политических скандалов, но там была атмосфера творческих обсуждений...

— ...И осуждений!

— Сейчас таких творческих обсуждений никто не проводит. А Дом литераторов вообще сделался местом встречи «новых русских»... Нам стало недоста- вать друг друга. Эта разобщенность плохо отражается на качестве того, что мы пишем. Вот я читаю свои стихи по телефону Александру Межирову, кото- рый тоже живет сейчас в Америке. Нас разделяет расстояние — семь часов лету. Когда в воскресные дни можно го- ворить по дешевке, мы беседуем с ним по два-три часа, читаем друг другу свои стихи...

— Евгений Евтушенко всегда отли- чался своим политическим чутьем. Что же будет дальше?

— Я считаю, что нужно восстанавли- вать Союз писателей России — единый Союз писателей. Восстановить его спо- койно, оговорив все позиции, исключая всяческое начальничанье. Иначе что по- лучается? Люди с Комсомольского про- спекта, взяв на себя ответственность за всех писателей России, по сути, этой от- ветственности не несут и не могут нести ее за всех российских литераторов. Но зато они постоянно ходят к властям и поливают грязью тех, кто сидит в малень- кой комнате Союза российских писате- лей, в Московской писательской органи- зации. Так вот, властям кажется, что в литературе только и есть те русские пи- сатели, которые не устают к ним ходить. Властям это нравится. Им даже не надо разделять, чтобы над нами властвовать. Мы уже разделены.

Мы все слабые. Мы не поддерживаем друг друга. Остается только мечтать о том, что было бы, если бы мы все вместе боролись сейчас за новый закон об автор- ском праве, за финансирование отрасли, которая сейчас нищая и которая за все время своего существования не смогла выпустить ни одного полного собрания сочинений величайшего русского писате- ля советского периода Андрея Платоно- ва...

Должна быть государственная под- держка искусства. Так обстоит дело во всех уважающих себя странах. У нас этого нет, потому что и правительство, и мы сами взаимно невежественны.

Поэтому я готов вместе с Бондаревым, Прохановым и Распутиным идти и сра- жаться за достойное и профессиональное существование русской литературы!

— Не очень уверены, что вас поддержат по обе стороны баррикад. Это только в былые годы да и то в стихах Дмитрия Сухарева в выплатной день в «Совписе» можно было увидеть «Мориц рядом с По- перечным»... Не говоря уже о молодых и условно молодых писателях. Они считают, что шестидесятники блокировали все этажи социальной и культурной лестни- цы...

— Я — шестидесятник, но никакие этажи социальной лестницы не блокиро- вал. Мое социальное положение в России — пенсионер, что означает 515 рублей ежемесячной пенсии. Может быть, кое- кто считает, что я «блокировал» литера- турное преподавание в Америке? Для этого нужно стать членом Американской Академии искусств... К тому же в Америке преподаю не я один — Татьяна Толс- тая, Анатолий Найман... Вообще, в лите- ратуре никому не тесно.

— Иногда вас называют по тепереш- нему да и прошлому статусу «граждани-

ном мира». Кто вы, доктор Евтушенко?

— Что за чушь! Я — все тот же самый мальчик со станции Зима — Женя Евту- шенко. Но родина для меня не сводится только к станции Зима, где сейчас, кста- ти, мои дорогие земляки растащили и сожгли мой дом. Так сказать, сделали мне подарок к 50-летию публикации моего первого стихотворения. Три года назад тогдашний министр культуры Ев- гений Сидоров направил им письмо с рекомендацией сохранить дом поэта и устроить в нем со временем музей своего земляка. Все равно же потом придется им восстанавливать этот дом или строить новый... Но такова Россия...

— Прошел слух, что вы получили в Америке какую-то престижную литера- турную премию...

— Это премия имени Уитмена. Она существует с 1981 года, скромна в денеж- ном отношении, но ее получают только выдающиеся американские поэты. Я ока- зался первым иностранцем лауреатом. А когда поинтересовался, почему мне ее присудили, мне ответили моими же сти- хами: «Несчастье быть не может ино- странным...» А вы, Евгений Александрович, чувствуете несчастье везде...» Вруча- ли эту премию в тот момент, когда я — в противовес многим молчаливым интелли- гентам — опубликовал в «Нью-Йорк таймс» статью, в которой выступил с рез- чайшей критикой американских бомбар- дировок Югославии. Я был счастлив. В Америке у меня вышло 18 книг, мой

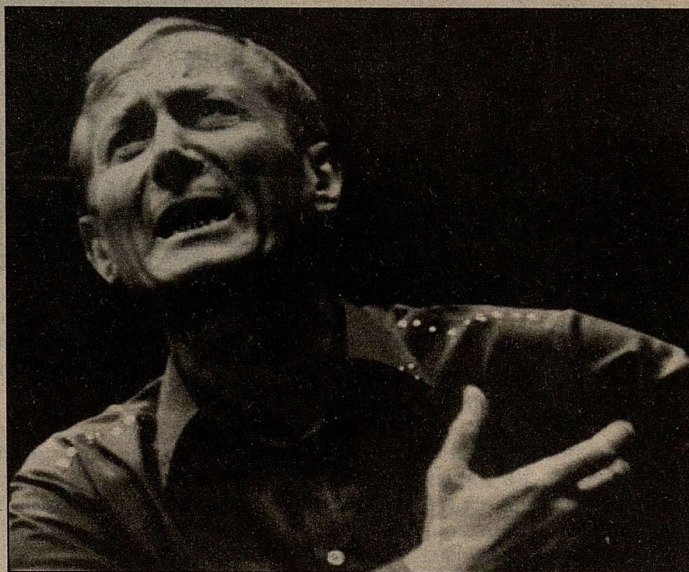
роман переведен на 72 языка. Там же в мою честь названо несколь- ко детей коротким рус- ским именем Женя... В Латинской Америке мое — написанное на испанском — стихотво- рение на смерть Че Ге- вары положено на му- зыку, и поют как на- родную песню. Недав- но эти стихи были включены в антологию латиноамериканской поэзии... Так что я нигде не чувствую себя чужим.

— В России сейчас премиальный бум...

— Премии у нас выдают такие ма- ленькие-маленькие. Как когда-то в лаге- рях старались стоять на раздаче в сто- ловке, так и сейчас люди стремятся зани- мать какое-то положение при распреде- лении премий. Самое занятное, что круп- ные премии распределяют те, кто когда- то решал судьбу Ленинских премий.

Все те же самые лица и те же самые кукловоды и кукловодки. Премия — это нечто разовое, это подачка в каком-то смысле. А вот что я считал бы главным для нашей страны, так это ввести при каждом высшем учебном заведении штатную должность поэта.

Это помогло бы многим писателям! Такая штатная должность не подорвала

бы финансовое положение того или иного университета, но дала бы шанс для вы- живания таланта, вместо унижения его нищетой, как это делает сегодня наша власть.

— Грядут новые политические кампа- нии. Какова в них должна быть роль писателей?

— Конечно, писателей позовут участ- вовать в кампании по выбору Президен- та. На встречах с кандидатами в Прези- денты они будут говорить о нуждах лите- ратуры. Им будут обещать...

— Разве нет примеров достойного пи- сательского поведения по отношению к властям?

— Есть. Скажем, история с Юрием Левитанским. Фронтовик, он не смог от- казаться от премии, поскольку пережи- вал большие материальные трудности. При получении премии в присутствии Президента и его тогдашнего окружения он резко выступил против войны в Чечне. Но разве окружение Президента обрати- ло на это внимание? Потом Левитанского позвали участвовать еще в одном меро- приятии — и опять он выступал против войны в Чечне.

И — умер. Умер, как настоящий фрон- товик.

— Один из нас был на этом собрании столичной интеллигенции в московской мэрии и слышал последнее выступление Юрия Давыдовича. Действительно это было достойное поведение русского поэта... Вы, кажется, тоже не пошли по- лучать орден?

— Я не хотел лично обидеть Президен- та тем, что не явился получать орден. Я хотел этим жестом хотя бы заставить себя услышать. Это был жест человека, который стоял с Ельциным на одних бар- рикадах в 1991-м. Мне хотелось, чтобы Президент задумался...

Пора перестать использовать интелли- генцию в своих целях! Мы уже перестали быть дураками. Уверен, что настоящая интеллигенция не будет поддерживать людей, которые пытаются ей выкручи- вать руки и вкручивать мозги.

— Кто сегодня из политиков вам сим- патичен?

— Мне несимпатичны почти все поли- тики. Ничего не могу с собой поделать. Стараюсь, но у меня не получается кого- то из них полюбить. Я думаю, не получа- ется и у всех! Все хотят кого-то полюбить, но это невозможно. Вот через пару выбо- ров у нас будет то, что нужно! Придет новое поколение.

— Когда-то на съезде народных депу- татов его председатель, пишущий стихи под псевдонимом Осенев, восклицал: «Как такому поэту не дать слово?!» Вам дают сегодня слово?

— Мне полудают полуслово. Такое впечатление, что власть оглохла. Если ей наплевать на мое мнение, то каково сей- час в России молодому литератору? Им всерьез никто не занимается.

— Получается, что место писателю отведено только у избирательных урн?

— Да. Поэтому я буду игнорировать выборы.

Беседовали
Николай АЛИПОВ
и Александр ЩУПЛОВ

